УДК 340

Величко А.М.

ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ (ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ЭТЮД)

В статье рассматриваются характерные особенности понимания закона и справедливости в различных цивилизациях, анализируется опыт строительства государства и правовой системы в России на принципах справедливости и законности.

In the article prominent features of understanding of law and justice in various civilization are considered experience of building of the state and legal system in Russia on justice and legality principles are analyzed.

Ключевые слова: *правовая культура, правовые традиции, политический опыт, государств, право, правосознание.*

Key words: *legal culture legal traditions political experience the state the right sense of justice.*

«Право – понятие формальное: от содержания правовых указаний, от степени включения в право моментов абсолютной нравственности зависит внутренний характер права, его достоинство. Сила права – в любви!». Л.Л. Герваген

I.

Принято утверждать, что закон представляет собой совокупность установленных верховной властью правил поведения между людьми, является неким идеальным регулятором человеческих отношений, позволяющим создать и сохранить справедливое общество, в котором торжествует свобода. И действительно, много доводов за то, чтобы согласиться с этим определением, хотя и с существенными оговорками, которых мы коснемся ниже.

Конечно, закон не всегда описывает конкретное действие, которое одно или несколько лиц обязаны совершать при определенных условиях. Зачастую закон вообще ничего специально не устанавливает, полагая, что сложившиеся ранее без его участия правила поведения вполне приемлемы. Он лишь легализует данную практику, как это сделано в гражданском праве, где говорится об «обычаях делового оборота» (например, статьи 5, 309, 311, 314, 406, 421 ГК РФ). То есть, закон признает правильными и допустимыми определенные действия и поступки, даже не перечисляя их. Нередко закон вообще не описывает диспозицию и не отсылает к обычаям, а просто указывает, чего делать нельзя, устанавливая соответствующее наказание (санкцию). В любом случае, очевидно, что право в позитивном смысле – это разрешенная свобода.

Как полагают современные юристы, чем большее количество прецедентов будет описано в законе в качестве разрешенных или запрещенных поступков, тем свободнее будет человек. Эта точка зрения отнюдь не нова. Хрестоматийно звучат слова одного западного правоведа, высказанные еще в позапрошлом веке: «Свобода имеет смысл только тогда и только до тех пор, пока обеспечено беспрепятственное пользование ей. Обеспечение той сравнительно незначительной доли личной свободы, которая признается за индивидом при современной правовой системе и при современной культуре, куплена ценой пожертвования якобы полной свободы естественного человека; но эта незначительная доля обеспеченной, гарантированной императивами всякого рода свободы дороже свободы естественного человека, которому каждую минуту угрожает более сильный. Например, швейцарский гражданин, стонущий под гнетом бесчисленных параграфов закона, живет несравненно свободнее, потому что он безопаснее в этих отведенных ему границах, чем бродячий зулус, каждую минуту боящийся за свою жизнь и имущество»[1, с. 552].

Итак, нам говорят: пусть объем свободы будет минимален, но это все-таки лучше, чем «свободный» анархизм. И надо сказать, западноевропейская цивилизация, да и современная российская тоже,

пошедшая по ее пути, проделала большую работу по регламентации всего и вся и приданию правовой формы любому человеческому поступку. Приняты десятки и сотни тысяч законов, но разве уровень правосознания с тех пор стал выше, человек – свободнее? Неужели общественная нравственность, которую должен защищать и культивировать закон, достигла предельного уровня? Почему же тогда в России и Европе все чаще слышны слова о том, что современный человек духовно и интеллектуально деградирует?

На самом деле, все вполне объяснимо. Обратим внимание на следующий факт, прямо-таки бьющий в глаза при ознакомлении с европейской правовой действительностью. Закон уже не просто регламентирует деятельность индивида, он ее оценивает, подменяя собой мораль. То есть закон становится сам по себе альфой и омегой мироздания, оценивает сам себя и не нуждается ни в каком высшем нравственном руководстве. Для того чтобы понять, как следует относиться к тому или иному поступку человека, обществу и самому законодателю уже не нужно обращаться к нравственному чувству и культурным традициям – все предопределяет закон.

Справедливо или нет, что жена пытается обанкротить мужа и переписать на себя часть совместного имущества? Правильно, если ребенок обращается с иском к родителям и требует компенсации морального вреда за свое плохое воспитание и «напрасно прожитые годы»? Хорошо, когда ребенок отбирается у родителей, если органы опеки и попечительства решили, что те плохо воспитывают его или (упаси Боже!) навязывают ему свои религиозные представления? Можно ли считать человека преступником, если он обокрал кого-нибудь?

Раньше ответы на эти вопросы не составляли труда, сейчас все выглядит сложнее и вариативнее. Если закон допускает такие возможности, то, следовательно, данные деяния при известных условиях нравственны! Вот если бы он их не допускал, тогда бы они считались безнравственными. С точки зрения закона можно отдать престарелых родителей в приют для стариков, оставив их умирать в одиночестве? Стало быть, с нравственной точки зрения такой поступок также допустим. Если кому-то такая ситуация кажется торжеством права, то автору этих строк представляется, что это – глумление над нравственностью, законом и здравым смыслом. И таких примеров можно привести множество.

Почему же получается, что сегодня закон начинает противоречить некогда общепринятым нормам морали? Очевидно потому, что современная правовая наука (как западная, так и российская) демонстрирует очевидный уклон в сторону методологии, ограничивающей область правовых исследований самим человеком – индивидуумом или механической совокупностью лиц, именуемой обществом. Потому-то и становятся возможными с точки зрения общественной морали указанные выше поступки, что в их основе безальтернативной, абсолютной доминантой фигурирует личный интерес каждого человека.

Раньше закон защищал нравственность и общественные нравы и через них – человека, теперь же он защищает безудержное «я» индивида. Аборты мешают самореализации женщины в обществе? Закон их не запрещает? Значит, они не только допустимы, но и нравственны. И действительно, сегодня в США их относят к высшим достижениям XX столетия. Как говорят, единственная проблема при реализации такой парадигмы заключается в том, чтобы совместить совокупные эгоистические устремления всех индивидов, придав им цивилизационные черты, но это, скорее, техническая задача.

Легко догадаться, что такая методология исходит из бездоказательного и весьма опасного по своим последствиям тезиса, будто право рационально по своей природе и является плодом человеческой деятельности, а потому привязывать его к религиозным основам не только неправильно, но и в принципе невозможно. Более того, зачастую факт построения правовых конструкций на сугубо светских, безрелигиозных и даже откровенно антирелигиозных началах выдают за прогресс науки. Такая однобокость не может не вызывать вполне оправданного возражения.

Совершенно очевидно, что понятие «право» не ограничивается лишь совокупностью действующих законов, оно многогранно и включает в себя множество сегментов. Безусловно, в природе права содержится властная воля, налагаемая на всех лиц, проживающих в государстве. Совершенно очевидно также, что право включает в себя чье-либо притязание, т.е. требование, обязательное для исполнения другим лицом; не обязательно публичное, но и частноправовое [2, с. 3,4].

В праве можно заметить и признаки некоторого договора: чтобы один человек был уверен, что дру-

гой человек не заберет его имущество и не убьет его, они договариваются никогда не совершать подобных поступков. Разумеется, случаи конкретных массовых договоров в истории если и встречались, то крайне редко. Некоторые следы публичных соглашений такого рода можно наблюдать в истории республиканского Рима (патрициев с плебеями), несколько реже – древней Греции. Но, безусловно, данный мотив часто фигурирует в действиях законодателей, когда они вводят те или иные разрешенные правила поведения и устанавливают санкцию за их нарушения.

Небезосновательно полагают, что в основе закона лежит свобода и справедливость. Свобода обыкновенно понимается однозначно: как свобода действий, не причиняющая вреда другим лицам. Сама возможность принять или игнорировать закон является прямым следствием наличия у каждого лица свободы выбора. Если бы дело обстояло иначе, не было бы никакой необходимости говорить о свободе воли человека и устанавливать санкцию (наказание) для нарушителей закона.

Не так однозначно обстоит дело с понятием «справедливости». С одной стороны, нет никаких сомнений в том, что закон содержит в себе нравственную, идейную составляющую. Ведь никакого разрешенного правом правила поведения не могло бы образоваться в принципе, если бы законодатель в своей деятельности не руководствовался понятиями о добре и зле или о справедливости. Нередко говорят, что задача права – воздавать каждому по его заслугам. Но само воздаяние становится возможным, если мы заранее знаем, какой поступок хорош, а какой – плох, и имеем нравственный критерий для оценки заслуги или вины человека. Иными словами, если мы признаем наличие справедливости как высшей идеи, абсолютного критерия.

С другой стороны, трудно не согласиться с тем фактом, что общественная мораль не является постоянной по своему содержанию; она постоянно меняется, и в ней совсем не просто усмотреть абсолютные черты. Например, некогда рабство казалось вполне естественным институтом, сегодня оно – пережиток прошлых заблуждений. Вчера женщина признавалась низшим существом, сегодня она равноправна с мужчиной. И трудно предположить, какие метаморфозы может претерпеть общественная мораль в будущем времени в сравнении с прошедшим.

По этой причине в конце XIX в. юристы – поклонники позитивистской школы категорично отрицали в праве наличие каких-то абсолютных нравственных идей, с которыми законодатель обязан согласовывать свои творения. Никакого «естественного права» они не признавали, утверждая, что закон – всего лишь конкретный нормативный акт, а право – совокупность действующих законов. «Вечная справедливость» невозможна, говорили они. А потому следует ограничиться констатацией факта наличия конъюнктурной субъективной нравственности конкретной исторической эпохи, если и влияющей на умонастроения законодателя, то весьма и весьма косвенно. Как следствие, позитивисты полагали, что право и нравственность представляют собой две параллельные сферы человеческого бытия, различные виды социальных норм, хотя и влияющих друг на друга [3, с. 171 – 173].

Что на это сказать? Конечно, «естественного права» не существует в действительности. Сама идея «естественного права» оказалась востребованной лишь после того, как некогда единый католический мир оказался в XVI в. расколотым мощным движением Реформации. Отныне даже в границах одного государства существовали люди, признававшие над собой высший духовный авторитет римско-католической церкви или категорично отрицавшие его. Поэтому срочно воззвали к рациональным началам, надеясь в них отыскать рецепты мирного сосуществования протестантов и католиков. В чем, на самом деле, не было никакой нужды, поскольку высший нравственный закон и христианское благовестие признавались обеими конфликтующими сторонами. Однако, поскольку в соответствии с римской доктриной папа заменил собой Церковь, в дело искусственно вмешалась политика, оказавшая свое печальное влияние на дальнейший ход событий.

Но и однобокость позитивистского подхода к праву более чем очевидна, и потому эта научная школа вскоре утратила свое влияние, а ряды ее поклонников значительно поредели. Трудно не заметить, что всегда в основе закона лежит несколько основополагающих нравственных идей, формирующих целостные идеологии. Например, публичное право целиком и полностью зависит от модели идеального государственного устройства, бытующего в сознании верховной власти и подавляющего числа граждан. Для них именно этот политический идеал

представляется справедливым, нравственным, совершенным.

Неважно, что идеология может носить эклектичный характер и вообще не быть сформулированной в законченном и целостном виде, как позднейшие конституции современных государств. Это – второстепенное обстоятельство. Очевидно, что и в таких случаях некий политический идеал представляется гражданам данного государства наиболее справедливым. Например, уже древняя Спарта имела такую «конституцию» в виде законов Ликурга (IX век до р.Х.). Нечто подобное мы находим и в законодательстве Древнего Рима времен республики. А вот византийская «симфония властей», целиком и полностью основанная на христианском понимании справедливости, письменно не была сформулирована в виде конкретного закона или научной доктрины. И Англия никогда не имела и не имеет писаной конституции, но едва ли кто-нибудь может сказать, будто ее политическое устройство лишено идейной основы. О государствах, имеющих «нормальные» конституционные акты, и говорить не приходится.

Например, в статье 1 Конституции России говорится: «Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Статья 10 устанавливает принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Статья 13 гарантирует идеологическое многообразие, а статья 14 – светский характер российского государства. Соединив все воедино, мы получим публично-правовой порядок, положенный законодателем в основу Конституции России как идеальный и справедливый.

Идеальная модель поведения востребована не только публичным правом. Гражданское право также исходит из некоторой умозрительной картины идеального правоотношения, с которым связывают надежды на совершенный товарооборот и гарантированные к исполнению имущественные сделки. И напрасно замечательный русский правовед Г.Ф. Шершеневич (1863–1912) полагал, будто существуют нормы права, индифферентные нравственности, например, сроки в процессуальном законодательстве [3, с. 319]. Гражданский и уголовный процесс также выстраивается под некий справедливый идеал, который должен реализоваться в судебных заседаниях и судебном решении. А потому каждая норма, включая процессуальные сроки, способствует справедливости и соответствует ей либо противоречит.

Поэтому, что ни говори, закон всегда вольно или невольно ориентируется на идею справедливости. Однако, что справедливо, а что – нет, действительно нередко остается предметом чрезвычайно дискуссионным. Сегодня, например, «политкорректно» утверждать, что закон справедлив только в том случае, когда он основывается на идее равенства всех людей. Так сказать, устанавливает равные стартовые возможности для всех участников марафонского забега, именуемого жизнью. Однако эта точка зрения вовсе не является единственно возможной. Например, в понимании некоторых лиц справедливо говорить о неполноценности отдельных групп людей, возможности внесудебной расправы по «праву силы», установления института рабства и т.п. Сторонники другой доктрины склонны утверждать, что идея равенства всех лиц питает нездоровый эгоизм и приводит к паразитированию слабых за счет сильных. И эти идеи, как известно, весьма вариативны.

II.

Действительно, спрашивают представители светской науки, если нравственность лежит в основе правовой нормы, и все люди одинаковы, то почему современники одной эпохи и дети одной и той же цивилизации, нередко расходятся в своем понимании того, что такое хорошо, а что такое плохо? Для светской науки все это является наглядным доказательством субъективности религиозного чувства и выросшей на его основе общественной нравственности.

Однако правоведение, опирающееся на более твердые и объективные критерии, юриспруденция, дружащая с религией, выросшая на ее стволе, принимающая аксиомы духовного опыта, качественно иначе объясняет это обстоятельство. Когда мы воспарим над индивидом, который уже обожил себя в земном обличье и презрел «жизнь будущего века», признаем существование Бога, Творца мира, указанные выше факты получат качественно иное объяснение.

Если право содержит в себе нравственную идею, то она может носить только абсолютный характер. В противном случае, как мы уже имели возможность убедиться, человек сам становится мерой

всех вещей, и право легко утрачивает нравственное начало, обесценивается и утрачивает свои свойства общепризнанного регулятора человеческих отношений. Абсолютный характер нравственной идее может придать только Бог, как ее Высший Источник, только Творец мира может «сказать человеку, как ему жить и действовать, чтобы стать лучше» [4. с. 6].

Заметим попутно, что ссылки на различную нравственность разных мировых религий совершенно неуместны – как легко убедиться, все они в своей основе имеют одно и то же знание о добре и зле.

Сопричастность права нравственности, их органичная связь подчеркивается тем простым и общедоступным фактом, что Бог является источником не только нравственной идеи, но Творцом права. Первые нормы права, безусловно, были даны человеку непосредственно Богом. «Запреты (как и любые нормы), – пишет замечательный современный правовед В.И. Иванов, – не появляются неизвестно откуда, и человек не может изначально вывести их ни из себя самого, ни из окружающей природы, ни из общения с близкими» [4, с.15].

В чем заключается квинтэссенция права? В том, чтобы обеспечить такие условия существования общества и отдельного человека, при которых каждый может развиваться нравственно и свободно, но без ущерба для других лиц. Но что означает выражение «развиваться нравственно»? Что представляет собой цель нравственного развития личности? Только одно – уподобление в своем благочестии Иисусу Христу, дабы после смерти пребывать с Ним в Царствии Небесном. В Послании к Филиппийцам апостол Павел так прямо и пишет: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2.4.). А в проповедях Христа рефреном проходит та мысль, что Царство Небесное – высшая награда, уготованная людям. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5.10). Чтобы достигнуть этой цели, Бог дает человеку идею абсолютной справедливости, реализуемую в конкретных нравственных правилах, содержащихся в Евангелии.

Помимо высшей, абсолютной справедливости, Бог даровал каждому из нас еще и закон совести (или иначе мораль), запечатленный в душе (Рим. 2.14,15). Даже язычники придерживаются единого нравственного закона с христианами. Для всех одинаково преступны такие поступки, как, например: убийство и кража, прелюбодеяние и блуд, пренебрежение родителями, скотоложство и мужеложство, святотатство и т.п.

Отличие закона совести от Евангелия заключается в том, что он являет собой низшую степень нравственного чувства. Зато необходим для организации человеческого общежития; пусть в самых первичных формах. Кроме того, нравственность и мораль различаются, говоря научным языком, по субъектам, к которым обращены.

Хотя Евангелие обращено ко всем, обязанность его выполнения налагается лишь на христиан. А закон совести дарован Богом всем людям вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Христианин судится по закону Евангелия, а язычник – по закону совести: «Внешних судит Бог», – говорит «апостол язычников» Павел (1 Кор. 5, 13). И далее: «Иисус Христос сделался служителем для обрезанных (т.е. иудеев. – А.В.) – ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам, а для язычников – из милости, дабы славили Бога, как написано: «Хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы» (Рим.15.8–11). Да, и язычник может стать человеком Евангелия, и христианин может потерять совесть – все в этом мире изменчиво. Но в данный конкретный момент круг лиц, к которым обращен закон Евангелия и закон совести, все же различен.

Конечно же, общественная мораль носит временный характер – надо полагать, в Царствии Небесном ее нет; там безальтернативно господствует закон Евангелия. Как, кстати говоря, нет там и власти, и права тоже – «когда Христос предаст Царство Богу и Отцу, тогда упразднит всякое начальство, власть и силу» (1 Кор. 15.24). В отличие от Божественной справедливости, закон совести приземлен; как промежуточная нравственная субстанция, он поддается воздействию материальных факторов, интерпретируется под время и место. Иными словами, он историчен. Более того, вследствие греховности человеческой природы закон совести всегда и неизбежно, увы, замутняется, становится неопределенным и конъюнктурным.

Теперь о высшей нравственности, которая возвышается над ним, как абсолютное, вечное начало. Напрасно полагают, будто справедливость есть абстрактное понятие. Ничуть не бывало - она вполне конкретна, имеет ту же структуру, что и привычный для нас закон государства, и также описывает известные правила поведения, но уже идеального.

Легко заметить, что значительное место в проповедях Иисуса Христа и Его апостолов занимает именно перечисление тех поступков, которые должен совершать человек, верующий в Бога и желающий заслужить Его милость. И перечень, соответственно, злых дел, отвращающих человека от Бога и убивающих его как нравственное по своей природе существо. Блистательный пример - Нагорная проповедь Христа.

Только теперь нам открывается подлинный эйдос закона, его внутренняя природа, проявляемая в трех ипостасях. Они суть: 1) конкретное правило поведения (правовая норма); 2) мораль, как исторически интерпретируемый обществом и индивидуальным лицом закон совести, напрямую влияющий на содержание закона; 3) и Божественная справедливость, как вечный и совершенный нравственный идеал, с которой право и мораль должны соотносить свои творения.

Совершенство закона обусловливается не только технико-юридической стороной, но и его следованием нравственному началу. Закон основан на морали, но сама мораль имеет своим высшим ориентиром Божественную справедливость, следование к которой облагораживает и общественные нравы, и сам закон.

Здесь могут задать вопрос: а почему Божественная справедливость, тем более выраженная в конкретных правилах поведения, изложенных в Евангелие, не может применяться непосредственно, почему она не заменяет собой закон? Ответ прост и очевиден: поскольку Евангелие взывает к духовной свободе человека, оно не содержит привычных для закона санкций. Наказания есть, но они касаются души человека, а не его тела.

Кроме того, Евангелие может стать законом только в тех случаях, когда все общество добровольно соглашается следовать его нормам; что, конечно, едва ли возможно. До сих пор только один человек прожил всю жизнь по закону Евангелия – Иисус Христос, безгрешный Бог, пришедший на землю для нашего спасения. «Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и в Нем не греха» (1 Ин. 3.5). Более никто не смог повторить Его подвиг по слабости и греховности человеческой природы.

Об этом точно писал один замечательный правовед: «Было бы хорошо, если бы все люди, при своих мыслях и действиях, всегда руководствовались правилами абсолютной нравственности и делали бы это по собственному влечению! Тогда был бы достигнут идеал совместной жизни людей и каждый человек и каждый народ имел бы возможность наиуспешнее развивать свои физические и духовные способности, без ущерба для других людей, для других народов. В действительности, однако, это только недостижимый для человека идеал!» [5, с. 44].

Не случайно, даже откровение Бога ветхозаветному Израилю было дано в форме закона. Да, это был беспрецедентный, данный конкретному народу непосредственно Богом, но все-таки закон. Целые книги Ветхого Завета («Исход», «Левит», «Числа», «Второзаконие») подробно и обстоятельно описывают практически все стороны жизни ветхозаветного иудея и израильского общества: семейно-брачные отношения, вопросы уголовного права и процесса, гражданского процесса, имущественные, политические, обрядовые вопросы и т.д. [6, с. 4, 23 – 24].

Христос пришел на землю не для того, чтобы опровергнуть закон, но исполнить его (Матф. 5.17). Вместе с тем Он расширяет границы закона, раскрывая тот нравственный идеал поведения, который лежит в основе каждой синайской нормы, запечатленной на скрижалях, или помещенной в Пятикнижии Моисея. Идеал, до времени скрытый от человеческого духовного зрения. Например, заповедь «не убий», которой Христос дает такое толкование: «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Матф. 5.21.22). Или такой стих: «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф. 5.38.39). Это и есть проявление высшей, абсолютной, Божественной справедливости, которая еще не присутствовала в ветхозаветных книгах. Справедливость, обращенная уже не к избранному народу, а ко всему человечеству.

Закон никогда не заменит собой Евангелия, не отождествится с ним и не станет выше его. Правильно замечено, что само рождение закона, пусть даже его источником и является Сам Бог, обусловлено греховной природой человека. Даже привычные сегодня многие законодательные запреты являются неестественными для нормального нравственного сознания. «Откуда в обществе появился закон «не убий»? Оттого, что Каин убил Авеля, или оттого,

что он был продиктован Моисею на горе Синайской и записан на скрижалях?» [5, с. 13]. Конечно, это – риторический вопрос.

В связи с изложенным легко понять, почему апостол Павел категорично утверждает, что сам по себе закон не позволяет человеку стать совершенным нравственным существом. Потому, что он сам – следствие человеческого несовершенства; и в этом заключается его немощь. Закон лишь обличает преступника и осуждает его, но не дает силы, чтобы загладить содеянные беззакония (Рим. 8.3, 9.32).

Это нисколько не умаляет высокого значения закона – ведь именно он утверждает перечень запрещенных поступков, т.е. преступлений. И следующие слова апостола Павла звучат уже, как ода закону: «Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона» (Рим. 7.7).

Кроме того, своим грозным оружием – угрозой наказания, закон заставляет человека отворачиваться от преступления хотя бы из-за страха телесного наказания или грядущей несвободы. Это было известно уже в древности. Как писал Платон (428 – 347 до р. Х.), «каждому, кто несет наказание, предстоит, если он наказан правильно, либо сделаться лучше и таким образом извлечь пользу для себя, либо стать примером для остальных, чтобы лучше сделались они, видя его муки и исполнившись страха» [7, с. 362].

То, что закон совести (т.е. мораль) и право сами по себе не могут стать абсолютной преградой человеческому эгоизму, свидетельствует хотя бы состояние римского общества времен ранней Империи на фоне совершенного римского права. Чревоугодие, плотские развлечения, мужеложство, скотоложство, блуд, убийство ради развлечения стали визитной карточкой римлян. Да, с технической стороны римское право находилось уже тогда на недосягаемой высоте. Но с нравственной стороны, без знания абсолютной справедливости, оно деградировало, утратив закон совести. Очень художественно определил это состояние В.В. Розанов (1856–1919), который писал: «В истории право наиболее страшно было у римского народа, самого совершенного в понимании права: здесь рабов крошили на говядину, которой откармливали рыбу в прудах» [8, с. 52].

Когда свет Евангелия не поступает в душу человека, когда совесть лишается своего естественного источника, она почти не слышна. Ее голос, звонко обличающий даже язычника, легко может быть заглушен непристойными желаниями и эгоцентризмом человеческой гордыни. Ведь не зря же, желая описать человека в самых мрачных тонах, о нем говорят, что «он совесть потерял».

Но когда мораль отлучается от высшей справедливости, то и закон быстро деградирует – ведь он утрачивает основу своего бытия. Процесс нравственной деградации конкретного человека и общества в целом совершается тем интенсивнее, чем в большей неестественной изоляции от высшей справедливости закон совести пребывает. И, разумеется, наоборот.

Почти 2 тысячи лет тому назад апостол Павел писал о состоянии современного ему общества: «Они заменили истину ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца. И как они не заботились иметь Бога в разуме (обратим внимание на этот тезис. – А.В.), то они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, обидчики, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, непримиримы, немилостивы, безрассудны» (Рим.1. 28–31).

Попытка заменить веру знанием, Бога – человеком, справедливость – общественной моралью, сотворенной под «век сей», оказалась, как и можно было предполагать заранее, обреченной на провал. Один автор называет светское право «евангелием здравого смысла»; оно не склонно к жалости, не располагает к любви, не облагораживает человека, не создает основы для гармонии общественных отношений. Так было раньше, но так же, увы, выглядит ситуация и сегодня [9, с. 121].

Например, некогда закон требовал от детей почитания родителей, а в нынешнее, свободное от христианской нравственности время, может (и так было!) требовать доносить на них. Ранее закон запрещал убийство, но он может легализовать его в виде эвтаназии, например. Сегодня мужеложство и вообще однополые «браки» лишь разрешаются некоторыми государствами, а завтра с небывалой легкостью они могут быть обязаны в качестве единственно допустимых «семейных» союзов.

Разве мы не найдем примеров из истории? Сколько угодно. Ведь должны же были члены «священных» отрядов в Спарте и Беотии состоять друг с другом в однополых сексуальных отношениях, а жрицы храмов, посвященных богине любви, выполнять обязанности проституток. Почему же сей-

час не развить эту практику и не придать ей общемировые масштабы? Как представляется, все идет именно к этому печальному финалу...

III.

Перейдем от мрачных картин к идеальным сюжетам и посмотрим, как естественным образом справедливость влияет на право. В первую очередь, обратим внимание на то, что в идее своей справедливость имеет благо каждого человека. «Справедливость Божественная, – писал старец Паисий Святогорец, – это когда ты делаешь то, что доставляет покой твоему ближнему». Замечательно, что в этой формуле задействовано не кантовское правило «не делай того, чего не хочешь, чтобы совершали с тобой», отрицательное по своей методологии, а деятельная любовь! Она и является основой абсолютной справедливости, поскольку любовь – суть Бог.

Любовь – основа человеческого бытия, на которой покоится и общественное благополучие, и нравственный рост всякого лица, и сам закон. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий, – говорит апостол Павел. – Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13. 1–4).

Человек призывается не просто не творить зла, а творить добро, не ожидая награды – вот первая заповедь христианина. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон» (Мф. 22.38–40). Вот и прямое указание на органическую связь абсолютной справедливости и права!

Любовь к Богу и любовь к другому человеку становится единым правилом. Только через любовь к Христу человек способен полюбить ближнего, и через любовь к другому человеку делом доказывает любовь к Богу. Пренебрегая человеческой справедливостью и своей выгодой, каждый обязан претендовать не на равную долю, а на меньшую, уступив право выбора лучшего в этом материальном мире своему визави. И так следует поступать во всем [9, с. 111–112].

Было бы излишне оптимистично полагать, будто этот высокий идеал может быть обрамлен в рамки государственного закона. Но даже простое следование ему резко смягчает нравы и прибавляет справедливости в общественных отношениях. Именно из высшего идеала со временем вырастает принцип равенства лиц, ставший первым препятствием для реализации безнравственного «права сильного».

Христианин должен жить по Божественной правде, никогда не примешивая к своим действиям выгоду. Поскольку же «любовь не ищет своего» (1 Кор. 13. 5), высшая справедливость, любовь требует от человека не удовлетворения своего «я», своих потребностей и интересов, как учит современная правовая наука, а жертвы во имя ближнего. «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других. (Флп. 2.5). Первый пример дает нам Христос – по словам «апостола любви» Иоанна, «любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою; и мы должны полагать души свои за братьев» (1 Ин. 3.16). И апостол Павел говорит: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайне мере некоторых» (1 Кор. 9.22).

Нам скажут, что это требование слишком пафосное и иллюзорное, чтобы быть реальным. Нас не убеждает подвиг Христа и Его апостолов? Но разве каждая мать не жертвует своим здоровьем, молодостью и временем для блага ребенка, отдает ему лучшее? Разве она не готова в любой момент даже расстаться с жизнью ради младенца? Поэтому мать – у всех времен и народов понятие святое. Этот идеал всегда должен стоять перед глазами человека, желающего не только расти нравственно, но и жить в справедливом обществе.

Мы привыкли к тому, что свобода человека и его нравственное состояние характеризуются наличием «личных прав», за которые следует бороться. Увы, с высоты высшей справедливости это – прямое следствие человеческого эгоизма. Не случайно один современный автор прямо пишет: «Чем меньше в человеке нравственности, тем больше «прав» он имеет» [9, с. 115].

Нередко, подменяя понятия, говорят, что антиподом человеку, всецело предавшего себя в руки закона, может быть лишь анархист, лицо, ориентирующееся исключительно на субъективное нравственное чувство. Оно и делает из него антиобще-

ственного человека, для которого законом является его собственное понятие о справедливости.

Действительно, люди высших нравственных состояний могут вообще обойтись без закона – не случайно апостол Павел настаивал, что христиане не должны судиться друг с другом. Но это не имеет никакого отношения к анархизму, поскольку делается не во имя собственного интереса. Послушаем апостола дальше: «Почему бы вам лучше не оставаться обиженными? Почему бы вам лучше не терпеть лишения?» (1 Кор. 6.7).

Как видим, это поведение никоим образом не приводит к необузданному эгоизму и беззаконию. Если кто-то претендовал на их имущество, то первые христиане в полном соответствии со словами Христа (Матф. 5.40-42) и Его апостола отдавали спорные вещи истцу без суда. Подражая во всем Христу, они искренне и справедливо считали, что лучше самим остаться внакладе, чем создать ссору или обидеть другого человека. Это – не отказ от законности, но высшее проявление любви, высшая степень смирения. Христианство вовсе не отрицает права, и даже апостолы прибегали к защите закона, если того требовали обстоятельства.

Поэтому, во-первых, закон никак нельзя назвать по примеру В.С. Соловьева (1853–1900) «минимумом нравственности», а во-вторых, закон не только не идеальный регулятор общественных отношений, но и вообще может игнорироваться, если человек руководствуется Божественной справедливостью. Цель которой – напомним – содействовать благу ближнего своего даже в ущерб себе.

Еще раз повторимся: никогда нравственный идеал, Божественная справедливость не станут нормой повседневной жизни для каждого человека; об этом многократно говорится в Священном Писании. Сама Божественная справедливость настолько диссонирует с человеческими представлениями о добре и зле (особенно современными), что представляется иррациональной, пугающей, непонятной. Не случайно, преподобный Исаак Сирин (VI век) писал: «Никогда не называй Бога справедливым. Если бы Он был справедлив, ты давно был бы в аду. Полагайся только на Его несправедливость, в которой – милосердие, любовь и прощение».

Но Божественная любовь – вектор, которому надлежит следовать, и который позволяет человеку жить хоть более или менее в справедливом обществе, жить свободно и нравственно. В этой связи понятным становится идея не «личных прав», а «личных обязанностей», следствием которых, а не первопричиной становятся уже и «права». Приоритет «обязанностей» над «правами» – суть не что иное, как проявление любви.

Возможно, кто-нибудь скажет, что такой подход вообще устраняет «личные права», что, конечно, не так. Нет, безусловно, «права» необходимы, как и закон. И какая иная религия, кроме христианства, в свое время обосновала высокое достоинство человеческой личности? Кстати сказать, аналогичный подход к вопросу о «правах» и «обязанностях» демонстрируют другие традиционные конфессии. Просто «права» должны знать свое место в иерархии общественных и личных ценностей, уступив пальму первенства правовым обязанностям.

1. Положенные в основу общественно-правового бытия, абсолютные нравственные начала формируют иную правовую культуру, чем ту, которая сложилась в современном западном обществе. Прекрасным примером является Россия, о которой часто любят повторять, будто для нее нравственность и религия всегда заменяли собой закон и право. Едва ли стоит опровергать эти односторонние и тенденциозные оценки. История русского законодательства, сам факт принадлежности русского права к семье европейского континентального права – лучшие свидетельства того, что чувство закона не было чуждо ни нашим предкам, ни нам самим. Акцент на абсолютную, Божественную справедливость вовсе не умаляет значения закона и права в целом, но лишь отводит им надлежащее место в череде регуляторов общественных отношений.

«Русский народ, – писал замечательный русский правовед В.Д. Катков (1867– после 1917), – слишком реалист, чтобы создавать миф о существовании какого-то особого, малопостижимого регулятора поведения (право), и – слишком мало верит в «независимую нравственность», чтобы игнорировать обходимый многими регулятор – религию. Бог на Небе, царь на земле, людская молва или слава – вот его внешние регуляторы, совесть – внутренний регулятор. Мифическому праву нет места в его философии поведения. Заслуга народного языка заключается в том, что, чувствуя связь справедливости и права, он никогда не делал и не делает право источником закона, справедливости или государства, а, наоборот, совершенно правильно выво-

дит право и «права» из закона, воли государства или представлений о справедливости» [10, с. 304, 310].

Кто-то скажет, что это – «вчерашний век», что «мир слишком изменился», что религиозные основы не обеспечивают свободы совести человека, а только право? Почему же тогда, зададимся вопросом, во времена господства в Европе государственных религий, когда человек жил верой, памфлеты на Мухаммеда не появлялись. А в наш «правовой» и «толерантный» век это – явление, повторяющееся с пугающей периодичностью?

Не «вперед» к праву, основанному на эгоцентризме отвернувшегося от Бога индивида, а «назад», к закону, основанному на любви, должна вести нас правовая наука. Только в этом случае мы можем создать общество, где будут жить люди, где будет торжествовать свобода и добрые нравы.

Признавая зависимость права от любви, от Божественной справедливости, мы поднимаем закон до уровня Божественного творения. Не случайно, древние так и говорили – «Божественный закон». Отказывая ему в этом качестве, мы ниспровергаем право до уровня плода человеческого эгоизма, удерживаемого от своих безумств лишь страхом наказания.

Литература

1. *Штейн Людвиг*. Социальный вопрос с философской точки зрения. М., 1899.

2. *Трубецкой Е.Н*. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.

3. *Шершеневич Г.Ф*. Общая теория права. В 4 выпусках. М., 1912.

4. *Иванов В.И.* Первозакон // Иванов В.И. Избранное. М., 2012.

5. *Герваген Л.Л*. Обязанности как основание права. СПб., 1908.

6. *Лопухин А.П.* Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея с приложением трактата «Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения». СПб., 1889.

7. *Платон.* Горгий // Сочинения. В 3 т. М., 1968. Т. 1.

8. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: опыт критического комментария. СПб., 1906.

9. *Старец Паисий Святогорский*. О справедливости Божественной и человеческой // Сочинения. В 5 т. М., 2007. Т. 3.

10. *Катков В.Д.* К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903.

УДК 340

Фоминская М.Д.

ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются и рассматриваются основные технико-юридические и философско-правовые основания понятия «достоинство человека» в отечественном и зарубежном праве, делаются выводы о перспективах его методологической разработки с учетом социокультурной самобытности правовых систем и религиозных корней этого понятия.

The article analyzes and discusses the main technical-legal and philosophical-legal grounds of the notion "dignity of the person" in the Russian and foreign law; conclusions are made on the perspective of its methodological working out, taking into account socio-cultural originality of the legal systems and religious roots of this notion.

Ключевые слова: *государство, демократия, естественное право, методология, право, политико-правовые учения и доктрины, христианская философия.*

Keywords: *state, democracy, natural law, methodology, law, political and legal theory and doctrine, and Christian philosophy.*